

Н. Г. Пашкин

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

ИДЕЯ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ НА КОНСТАНЦКОМ СОВОРЕ: ПОЛЬСКАЯ ИНИЦИАТИВА В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИГРЕ

В статье рассматривается международный контекст Констанцского собора, на котором осенью 1415 г. от имени польского короля прозвучала идея церковной унии между латинским Западом и православным Востоком. Истоки этой инициативы увязываются в работе с политической игрой, которую вел византийский император Мануил II Палеолог. По мнению автора, Византия стремилась в тот период обеспечить себе мир с турками, и путь к нему лежал через разделение и уравнивание трех сил, к которым относились Венеция, римский король Сигизмунд Люксембург и турецкий султан Мехмед I. На фоне противоречий между Сигизмундом и Венецией важнейшая задача византийской дипломатии заключалась в том, чтобы блокировать возможность соглашения между Венецией и османским правителем. Именно для этого византийцы намеренно внушали всем ложное предположение о намерениях своего императора примкнуть к королю Сигизмунду, который вел подготовку к крестовому походу. Автор считает, что в русле такой игры имитировалась подготовка греков к переговорам о церковной унии, и византийцы фактически спровоцировали польского короля и поддержавшего его литовского князя Витовта на соответствующий призыв, который в результате прозвучал на Констанцском соборе. В свете выдвигаемой гипотезы в статье находят объяснение некоторые детали византийского посольства, которое в 1415 г. посетило двух названных правителей. Далее раскрывается византийский след миссии на Констанцкий собор Феодора Хрисоверга. Результат византийской игры усматривается в том, что с ее помощью греки сумели вовлечь Венецию в переговоры с императором о морском соглашении, которое предусматривало международный контроль над проливами при сохранении союза Византии с турецким султаном.

Ключевые слова: Византия; Констанцкий собор; Мануил II Палеолог; Сигизмунд Люксембург; Венеция; Польша; Литва

Цитирование: *Пашкин Н. Г.* Идея церковной унии на Констанцском соборе: польская инициатива в византийской игре // Античная древность и средние века. 2024. Т. 52. С. 372–397. <https://doi.org/10.15826/adsv.2024.52.021>

Поступила в редакцию: 29.05.2024

Принята к печати: 12.10.2024

Nikolai G. Pashkin

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

IDEA OF THE CHURCH UNION AT THE COUNCIL OF CONSTANCE: THE POLISH INITIATIVE IN THE BYZANTINE GAME

This article examines the international context of the Council of Constance, where, in the fall 1415, the idea of the Church union between the Latin West and the Orthodox East was voiced on behalf of the Polish King. The analysis undertaken links the origins of the initiative in question with the political game of the Emperor Manuel II Palaiologos of Byzantium. According to the author of this article, it was the time when Byzantium sought to secure peace with the Ottomans, and the way to it laid through the separation and balancing of three forces, Venice, the Roman King Sigismund Luxembourg, and the Ottoman Sultan Mehmed I. Against the background of the contradictions between Sigismund and Venice, the most important task of Byzantine diplomacy was to block the possibility of an agreement between Venice and the Ottoman ruler. In this regard, the Byzantines deliberately instilled in everyone the false assumption about the intentions of their Emperor to join King Sigismund, who was preparing for the Crusade. The article's author believes that the game simulated the preparation of the Greeks for negotiations on the Church union, and the Byzantines actually provoked the Polish King and his supporter the Grand Duke Vytautas of Lithuania to the appropriate appeal sounded as a result at the Council of Constance. In the light of the proposed hypothesis, the article explains some details of the Byzantine embassy, which visited the two rulers in 1415. The article reveals the Byzantine trail of the mission of Theodore Chrysoberges to the Council of Constance. The result of the Byzantine game is seen in the fact that with its help the Greeks managed to involve Venice in negotiations with the emperor on a maritime agreement that provided for international control over the Straits while maintaining the alliance of Byzantium with the Ottoman sultan.

Keywords: Byzantium; Council of Constance; Manuel II Palaiologos; Sigismund of Luxembourg; Venice; Poland; Lithuania

For citation: Pashkin, N. G. (2024). Ideia tserkovnoi unii na Konstantsskom sobore: polskaia initsiativa v vizantiiskoi igre [Idea of the Church Union at the Council of Constance: The Polish Initiative in the Byzantine Game]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 52, 372–397. <https://doi.org/10.15826/adsv.2024.52.021>

Submitted: 29.05.2024

Accepted: 12.10.2024

В истории Констанцкого церковного собора (1414–1418) имеет место один мимолетный эпизод, который на самом деле может оказаться кончиком нити, связывающей воедино хорошо известные, но до конца не разгаданные в своей природе факты. Тот, кто держал эту нить в своих руках, по-видимому, сделал все, чтобы лишь один ее конец лежал на поверхности, а другой вместе с ним самим оставался в тени. Но если правильно понять смысл им задуманного, то эту тень все-таки можно наконец развеять. Вместе с ней развеется и туман, окутывающий целый ряд событий, не поддающихся простому объяснению.

7 октября 1415 г. Констанцкому собору было направлено предложение внести свой вклад в дело церковного воссоединения христиан Запада и Востока. Оглашенная декларация исходила от польского короля Владислава II Ягайло (1386–1434)¹. Формально поводом, побудившим последнего обратиться с подобной просьбой, выступала озабоченность восточно-европейского монарха тем, что на подвластных ему территориях пребывало в схизме многочисленное русско-православное население². Мотив был вполне понятен, но он затрагивал вместе с тем и гораздо более широкую проблему отношений латинской церкви с Константинопольским патриархатом. И хотя ни о каких контактах с греками на эту тему не было сказано ни слова, основания предполагать, что польская инициатива каким-то образом связана с византийцами, должны были появиться. В частности, от внимания очевидцев происходящего едва ли ускользнуло, что соответствующее послание короля

¹ Текст послания см.: *Acta Concilii Constanciensis* / hrsg. von H. Finke. Münster, 1926. Bd. 3. S. 281–282 (далее – АСС). Об этом выступлении упоминается также в письме представителя Венского университета на Констанцком соборе от 15 октября 1415 г. (см. текст документа: *Firnhaber F. Petrus de Pulka, Abgesandter der Wiener Universität am Concilium zu Constanz* // *AKÖG*. 1856. Bd. 15. S. 34–35).

² Интерес польского короля к церковной унии подпитывался еще и тем, что Польша и Великое княжество Литовское в тот момент вели борьбу с Тевтонским орденом. Констанцкий собор мог выступить посредником между ними. Обращение в христианство населения Жемайтии, оспариваемой у Ордена, как и приведение к унии с Римом православных, явилось бы сильным аргументом на Соборе в пользу польско-литовской стороны (см.: *Brandmüller W. Das Konzil von Konstanz 1414–1418*. Paderborn, 1997. Bd. 2. S. 150–175).

Идея церковной унии на Констанцском соборе: польская инициатива в Констанц было доставлено Феодором Хрисовергом – греком-католиком, представителем доминиканской общины Константинополя³. Не являлся секретом и тот факт, что Констанцкий собор с самого начала находился в поле зрения византийского императора Мануила II Палеолога (1391–1425). Правда, мотивы последнего были покрыты завесой молчания. Первый из его дипломатов, посетивших Констанц, Мануил Хрисолора, скончался там же еще в апреле 1415 г.⁴ За время своего короткого присутствия посол ничем не дал знать об интересах своего правителя, а между тем именно в них следует искать ключ к пониманию того, о чем пойдет речь ниже⁵.

Причины, по которым Констанцкий собор действительно находился под пристальным вниманием императора ромеев, заключены в политической обстановке, на фоне которой готовился и созывался знаменитый церковный форум. У самых его истоков лежал конфликт между Венецианской республикой и венгерской короной, обладателем которой был Сигизмунд Люксембург (король Венгрии в 1387–1437 гг., с 1410/1411 г. – римский король, с 1433 г. – император). Конфликт первоначально был спровоцирован в 1409 г. претензиями Венеции на портовые

³ О личности Феодора Хрисоверга и о его миссии на Констанцкий собор см.: *Loenertz R.-J.* Les dominicains byzantins Théodore et André Chrysobergés et les negotiations pour l'union des grecque et latine de 1415 a 1430 // *AFP.* 1939. Vol. 39. P. 5–61.

⁴ Наиболее вероятным временем прибытия Мануила Хрисолоры в Констанц является январь 1415 г., через два месяца после открытия Собора. После него еще одна византийская миссия появится там лишь весной 1416 г. Подробно о византийских визитах в Констанц см.: *Kolditz S.* Byzanz und das Konstanzer Konzil (1418–1418). Beobachtungen zur griechischen Präsenz und zur vorkonziliären Korrespondenz Sigismunds und Manuels II // *JÖB.* 2017. Bd. 67. S. 43–64; *Mureşan D. I.* Une histoire des trois empereurs. Aspects des relations de Sigismond de Luxembourg avec Manuel II et Jean VIII Paléologue // *Emperor Sigismund and the Orthodox World* / hrsg. von E. Mitsiou, M. Popović, J. Preiser-Kapeller. Wien, 2010. S. 41–102 (по данному вопросу см. S. 74–81). О визите Мануила Хрисолоры на Констанцкий собор см. также: *Thorn-Wickert L.* Manuel Chrysoloras. Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance. Frankfurt am Main, 2006. S. 105–114.

⁵ Подробно о византийской политике на Западе в этот период см.: *Пашкин Н. Г.* Византия и Запад на пути к Констанцскому собору // *АДСВ.* 2021. Т. 49. С. 278–304; *Пашкин Н. Г.* Византийская загадка Констанцкого собора: к вопросу о мотивах императора Мануила II Палеолога // *АДСВ.* 2023. Т. 51. С. 432–451.

города Далмации⁶. Однако до военного столкновения дело дошло двумя годами позднее, когда Сигизмунд стал римским королем и возглавил Империю, сделав тем самым ее главным участником противостояния. При таком новом раскладе аренной борьбы становилась уже Италия, где ее исход мог быть предreshен союзом одной из сторон с Римом. В результате важнейшей фигурой между ними оказывался папа. Признание этого факта лежало в основе перемирия, заключенного между Сигизмундом и Венецией в 1413 г. на пять лет. Вскоре последовавший за этим церковный собор в Констанце был для обеих сторон местом скрытого продолжения борьбы другими средствами.

Король Сигизмунд рассматривал собор, созываемый в имперском городе за Альпами, как способ оформить альянс с папой, а вокруг него построить антитурецкую коалицию под знаменем крестового похода. Расчет был в том, чтобы не оставить Венеции иного выхода, кроме вынужденного соглашения с Люксембургом в форме присоединения Республики к союзу против османов. В противном случае такой союз, возглавляемый римским королем, мог стать угрозой и для самой Венеции. Морская республика в этом случае, во-первых, рисковала ухудшить свои позиции в Италии, если бы в связке с Люксембургом действовал папа. Во-вторых, гипотетический успех крестового похода без участия венецианцев, остававшихся при этом в конфликте с Сигизмундом, грозил поставить под удар их позиции на Востоке. В частности, при вступлении в антитурецкую коалицию византийского императора, к чему Сигизмунд упорно стремился, Венеция лишилась бы доступа в Константинополь и возможности использовать проливы. В связи с этим Республика, с одной стороны, беспокоилась по поводу вероятности переговоров короля с греками. С другой стороны, она была заинтересована в соглашении с турками. Последний вопрос становился для нее особенно актуальным. В 1413 г. во главе турецкой державы встал Мехмед I Челеби (1413–1421). Начало его правления ознаменовало собой окончание внутридинастической борьбы за османский престол, которая длилась более десяти лет с момента поражения

⁶ Об истории этого противостояния см.: *Wakouning M. Dalmatien und Friaul. Die Auseinandersetzungen zwischen Sigismund von Luxemburg und der Republik Venedig um die Vorherrschaft im adriatischen Raum. Wien, 1990.*

Идея церковной унии на Констанцском соборе: польская инициатива турок в битве с державой Тимура при Анкаре (1402). После победы Мехмеда I Венеция рассчитывала восстановить договор, ранее заключенный с его поверженным предшественником Мусой Челеби (1411–1413)⁷.

Договор с Венецией был нужен и самому султану, так как альтернативой этому могло стать участие Республики в крестовом походе, которым грезил король Сигизмунд. Толкнуть ее к этому могла и Византия, если бы греки вступили в союз с Люксембургом. Поэтому Мехмед I должен был с опаской наблюдать за характером отношений римского короля с императором ромеев. Повод для опасений был серьезный. Накануне Констанцкого собора Сигизмунд последовательно шел к своей цели. Планируемая им коалиция должна была объединить вместе с ним французского, английского и арагонского королей⁸. В случае успеха Люксембург был вправе рассчитывать на получение императорской короны, которая скрепила бы его союз с направлявшимся на собор папой Иоанном XXIII (1410–1415). Наконец, приглашение отправить посольство в Констанц получил от Сигизмунда и византийский император Мануил II⁹. Присоединение Византии к походу против турок, выраженное в форме греко-латинской церковной унии, стало бы триумфом римского короля.

Однако имеются основания утверждать, что ответом Византии стала мастерская игра, развернутая ее дипломатией. Чтобы разобраться в ней, необходимо признать, что целью Восточной

⁷ Договор Венеции с Мусой Челеби был заключен в 1411 г. (см.: *Kastritsis D. J. The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413. Leiden ; Boston, 2007. P. 177–178*).

⁸ О действиях Сигизмунда в отношении этих трех монархов см.: *Reitemeier A. Aussenpolitik im Spätmittelalter: Die diplomatischen Beziehungen zwischen dem Reich und England 1377–1422. Paderborn, 1999. S. 268; Frenken A. Kastilien und das Konstanzer Konzil // Vorträge und Forschungen. 2014. Bd. 79 : Das Konstanzer Konzil als europäischer Ereignis. S. 145.*

⁹ Письмо Сигизмунда императору Мануилу II было доставлено византийским дипломатом Иоанном Хрисолорой, который посетил короля летом 1414 г. в местечке Понтестура на севере Италии (см.: *Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453. München ; Berlin, 1965. Bd. 5. № 3339*). Текст документа см.: *ACC. Münster, 1896. Bd. 1. S. 399–401*. См. также: *Kolditz S. Byzanz und das Konstanzer Konzil... S. 46; Mureşan D. I. Une histoire de trois empereurs... S. 72–73; Пашкин Н. Г. Византия и Запад на пути к Констанцскому собору... С. 293.*

империи была вовсе не война с турками в коалиции с Западом. С 1413 г. византийскому императору необходимо было обеспечить лояльность со стороны нового султана Мехмеда I, которому именно союз с Константинополем позволил выйти победителем из турецкой междоусобицы. Так у правителя ромеев был шанс встать в центре треугольника между турками, Венецией и римским королем, чтобы в создаваемом им равновесии была гарантия мира. Стремясь к этой цели, император не мог допустить ни действительного создания на Западе антитурецкой коалиции во главе с Люксембургом, ни заключения в обход Константинополя договора между Венецией и недавно воцарившимся султаном.

Контуры ведущейся византийцами игры, если именно так понимать их настоящие мотивы, начинают угадываться буквально с первых же дней Констанцского собора. Во-первых, на соборе по приглашению короля Сигизмунда появился византийский посол Мануил Хрисолора. Этот факт давал основания предполагать, что на Востоке допускают возможность своего вступления в союз с Сигизмундом против турок. Но одновременно на политическом горизонте внезапно замелькала загадочная фигура османского принца Мустафы – считавшегося пропавшим после битвы при Анкаре брата правящего султана Мехмеда I¹⁰. Обстоятельства, в которых это произошло, практически не оставляют сомнений в том, что приезд в Констанц вышеупомянутого дипломата и появление Мустафы были задуманы как элементы единого сценария, имевшего византийские корни¹¹. Смысл его был в том, что теперь ни одна из сторон – ни Венеция, ни Сигизмунд, ни османы – не могла предугадать следующий шаг правителя ромеев: сохранит ли он союз с Мехмедом I, признает ли вместо него Мустафу или даже начнет через Констанцкий собор переговоры с Люксембургом об участии в крестовом походе.

¹⁰ Подлинность происхождения Мустафы ставится под сомнение, из-за чего в историографии он фигурирует также как Лже-Мустафа. В январе 1415 г. об этом человеке, находящемся в Трапезунде, узнали в Венеции. Летом того же года новоявленный османский принц оказался у господаря Валахии Мирчи I (1386–1418). См.: *Mollaoglu F. K. "Düzmece" olarak anılan Mustafa Çelebi ve Bizans (1415–1416/17) // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Araştırmaları Dergisi. 2009. Vol. 49, No. 2. S. 173–185.*

¹¹ *Пашкин Н. Г. Византийская загадка Констанцского собора... С. 444.*

Идея церковной унии на Констанцском соборе: польская инициатива

Если для короля замышляемая война с турками была одновременно и средством принуждения Венеции к соглашению с ним, то Византия стремилась именно на противоречии между этими силами создать для себя гарантию мира с османами, выступая в роли их предохранителя от крестового похода. С одной стороны, движение к заданной цели обязывало императора к тому, чтобы уклоняться от попыток навязать ему союз против турок. С другой стороны, следовало не только открыто не отвергать их, но даже подобные попытки провоцировать. Поступая так, византийский правитель оставлял римскому королю надежду на возможность альянса. И до тех пор, пока у Сигизмунда такая надежда оставалась, с этим должна была считаться Венеция. Потому для Республики Св. Марка крайне важным становился нейтралитет восточного императора. Последний же мог гарантировать его при условии признания себя в качестве посредника между Венецией и турецким султаном. К тому же венецианцы еще и оказались перед непонятной им альтернативой между Мехмедом I и Мустафой. Эта ситуация намекала как им, так и туркам на возможность выхода Византии из соглашения с султаном и вступления в альянс с его неожиданно появившимся соперником. Допуская последний вариант, Венеция могла лишь питать надежду на то, что даже в случае признания Мустафы император не окажется в союзе с римским королем. Но поскольку исключить подобный сценарий тоже было нельзя, именно таким образом правитель ромеев заставлял все стороны с подозрением смотреть друг на друга, вынуждая каждую из них любой свой шаг ставить в зависимость от его непредсказуемой реакции. Дальше задача была в том, чтобы планомерно закреплять замыкающееся на него равновесие. Требовалось создание ситуации, которая бы исключала для Сигизмунда в ближайшей перспективе возможность организации крестового похода, а для Венеции – возможность противопоставить королю свой договор с османами в обход Константинополя.

Влиянием Венеции, ее стремлением не допустить гипотетического договора Византии с Люксембургом можно объяснить поведение Констанцского собора по отношению к папе Иоанну XXIII. Понтифик открывал этот церковный форум в атмосфере продолжавшейся Великой западной схизмы (1378–1417), и потому в действительности он был на тот момент лишь одним из трех антипап. Кроме

него самого, к ним относились Бенедикт XIII (1394–1423), пребывавший в Испании под покровительством Арагона, и Григорий XII (1408–1415), опекаемый графом Римини Карло Малатестой¹². Под благовидным предлогом восстановления единства латинской церкви в Констанце начала пробивать себе дорогу идея о необходимости отречения всех троих. Для Иоанна XXIII такой исход был окончательно предreshен после попытки бегства с собора в марте 1415 г. ради сохранения тиары. Спустя несколько недель понтифик был официально низложен¹³. Носителем высшей церковной власти теперь становился сам собор. За решением вопроса о схизме в его повестке значился вопрос о реформе Западной церкви, и перспектива избрания нового папы выглядела теперь весьма туманно¹⁴.

Даже временное удаление папы с политической доски, безусловно, было на руку именно венецианцам. Во-первых, в отсутствие понтифика у короля Сигизмунда не было шансов на получение императорской короны, которая оформила бы опасный для Венеции союз Люксембурга с Римом. Во-вторых, ставился заслон на пути, который гипотетически должен был связать Сигизмунда с Византией. Ведь наилучшим поводом для установления прочного контакта между ними были бы переговоры о церковной унии через посредничество папы. Поэтому Венеция не могла не опасаться, что именно с этой миссией прибыл на Констанцкий собор византийский дипломат Мануил Хрисолора. Эти опасения, очевидно, подогревались еще и тем, что предпринимал сам император. Летом 1414 г. Мануил II направился из Константинополя в Фессалонику, откуда в начале следующего года взял курс на Морею¹⁵. Одновременно по его приказу на Истмийском

¹² Ситуация с тремя антипапами была следствием решений Пизанского собора 1409 г., объявившего о низложении папы из авиньонской линии Бенедикта XIII и папы из итальянской линии Григория XII. Оба они не признали ни это решение, ни сам собор, ни избрание там же папы Александра V (1409–1410), на преемственности с которым основывалась легитимность Иоанна XXIII.

¹³ Григорий XII согласился на добровольное отречение. Бенедикт XIII от отречения отказался, но вскоре был лишен покровительства в лице арагонского короля Фердинанда I (1412–1416).

¹⁴ Выборы нового папы на Констанцском соборе состоялись лишь в ноябре 1417 г. и увенчались избранием Мартина V (1417–1431).

¹⁵ *Barker J. W. Manuel II Palaiologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship.* New Brunswick, 1969. P. 300–301.

Идея церковной унии на Констанцском соборе: польская инициатива перешейке начались фортификационные работы¹⁶. На таком фоне трудно было избежать подозрений, что принимаемые греками меры вызваны подготовкой их к войне с турками в предполагаемой коалиции с римским королем.

Метания Венеции в политической паутине, сплетаемой византийцами, отразил тот факт, что 23 июля 1415 г. сенат принял два решения. Первым из них был ответ на письмо, поступившее от императора Византии¹⁷. Тот информировал о своем прибытии на Пелопоннес и о развернутом там строительстве крепостных стен. Республика приветствовала принятые им меры и обещала помощь из своих колоний на полуострове в случае нападения турок. Но второе решение сената касалось уже вопроса о переговорах с самим турецким султаном¹⁸. Соответствующее постановление со ссылкой на неназванные источники констатировало, что Мехмед I якобы раздражен затянувшимся ожиданием венецианского посла. Можно не сомневаться, что источником подобных слухов, едва ли далеких от истины, были греки. К тому же факты, подкрепляющие эти сведения, были на виду. С 1414 г. Венеция все чаще сталкивалась с таким угрожающим явлением, как турецкий разбой на море, при котором имели место и набеги на ее островные владения в Эгейде¹⁹. В результате сенат постановил дать венецианскому байло в Константинополе Франческо Фоскарини необходимые распоряжения относительно возможного контакта с султаном. Доставить их полагалось вместе с другим посланием, предназначенным для сына византийского императора – Иоанна Палеолога, заменявшего отца в столице во время пребывания последнего в Морее. Одновременно сенатом были приняты и меры, призванные пресекать появление турецких кораблей в Эгейском море.

Венеция не без оснований искала контакт с султаном через Константинополь. Благодаря грекам Республика едва ли могла решить, чего ей опасаться больше – конфликта с Мехмедом I на стороне Мустафы и византийского императора, если тот

¹⁶ *Barker J. W.* Manuel II Palaiologus... P. 311.

¹⁷ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1583. В актах сената указывается дата этого императорского послания – 26 июня 1415 г. (см.: *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden... Bd. 5. № 3351).

¹⁸ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1584.

¹⁹ *Jorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1908. Bd. 1. S. 368–371.

действительно признает османского принца, или же союза Византии с Сигизмундом против турок. Худшие подозрения у венецианцев могли быть в том, что замышляется коалиция, которая объединит всех троих – василевса, римского короля и Мустафу в качестве их марионетки. Опасения Венеции, по-видимому, усиливались и под влиянием других тревожных для нее сигналов. В мае 1415 г. был совершен набег турок через Хорватию и Словению до границ Фриули – области, находящейся под управлением Аквилейского патриарха, союзника Люксембурга²⁰. Циркулировали слухи о тайном сговоре турок с венецианцами. Не исключено, правда, что именно для подобных обвинений сведения о самом вторжении были сильно преувеличены. На этом фоне в Констанце шла работа по организации встречи Сигизмунда с королем Арагона Фердинандом I (1412–1416), продолжавшим оказывать покровительство антипапе Бенедикту XIII. Предстоящие переговоры готовились с благородной целью – завершить церковный раскол на Западе. Однако в случае их успеха Сигизмунд приобретал ценного союзника. Выдвигая вместе с тем идею посредничества между Англией и французской короной, а также между Тевтонским орденом и Польшей, римский король вплотную подходил к созданию серьезной коалиции за Альпами, которая могла воплотиться в крестовом походе. По этому поводу Люксембург писал весной 1415 г. английскому королю Генриху V (1413–1422), что возобновлением войны с французами тот окажет услугу туркам²¹.

3 июля 1415 г. венецианский Совет десяти принял решение о подготовке покушения на римского короля²². Сам Сигизмунд, выступая через две недели на церковном соборе, провозгласил своей целью борьбу с турками. В связи с этим он призвал положить конец латинской схизме, достичь примирения англичан с французами и разрешить польско-тевтонские противоречия²³.

²⁰ Lewec Wl. Die ersten Türkeneinfälle in Krain und Steiermark // Mitteilungen des Musealvereins für Krain. 1903. Bd. 16. S. 182–188.

²¹ Reitemeier A. Aussenpolitik im Spätmittelalter... S. 278.

²² Štefánik M. Die Beschlüsse des venezianischen Consiglio dei Dieci zu den Attentatsversuchen auf Sigismund aus den Jahren 1413–1420 // Kaiser Sigismund (1368–1437). Zur Herrschaftspraxis eines europäischen Monarchen / Hrsg. von K. Hrusa. Wien, 2012. S. 165.

²³ Engels O. Der Reichsgedanke auf dem Konstanzer Konzil // Das Konstanzer Konzil / Hrsg. von R. Bäumer. Darmstadt, 1977. S. 398–399.

Идея церковной унии на Констанцском соборе: польская инициатива

Ни в Констанце, ни в Венеции еще не могли знать, что 5 июля английский монарх уже успел объявить о возобновлении войны с французским королем Карлом VI (1380–1422). Новый поворот в Столетней войне был опять же на руку венецианцам, и не исключена их собственная роль в этом. Но торжествовать Венеции было преждевременно. 19 июля Сигизмунд выехал на юг Франции в Перпиньян. Его грядущая встреча с королем Арагона, которая должна была там состояться, несла в себе новые угрозы морской республике, а потому уже выступление Сигизмунда на соборе в канун его отъезда, по-видимому, явилось для Венеции последней каплей в атмосфере тревожной неопределенности. Во-первых, она подошла к пределу, за которым не могла дальше терпеть турецкие провокации на море. Во-вторых, поступивший одновременно из Мореи сигнал от византийского императора усиливал подозрения в том, что таким способом султан Мехмед I вынуждает венецианцев внести, наконец, ясность в их взаимоотношения. Но на пути к ним по-прежнему стоял сам византийский правитель, ничем не раскрывавший своего отношения к Мустафе.

Складывающаяся обстановка требовала от Республики Св. Марка срочных мер. Назревавшая перспектива возобновления Столетней войны, нарушающая планы Сигизмунда, была хотя и в интересах Венеции, но не спасала ее. Трудности, которые в результате возникли бы для Сигизмунда, могли отступить перед его дипломатическим успехом в Перпиньяне. На таком фоне ведущееся греками фортификационное строительство на Истме, пожалуй, окончательно не оставляло сомнений, будто те действительно готовятся к войне с турками. Венеция могла лишь рассчитывать, что император сделает ставку на союз не с Сигизмундом, а только с Мустафой. Во всем этом и следует искать причину странного, на первый взгляд, вышеупомянутого постановления венецианского сената от 23 июля 1415 г.²⁴ Его противоречивый характер отражал поиск выхода сразу по трем исключаящим друг друга направлениям. В одном решении уместились борьба с турками на море, грозившая перерасти в настоящую войну, при одновременном стремлении выйти на переговоры с султаном, но через Константинополь, где была вероятность, что греки вместо

²⁴ Régestes des délibérations du Sénat de Venise... № 1584.

Мехмеда I посоветуют Венеции Мустафу. Последний, первоначально дав о себе знать из Трапезунда, появился при дворе господара Валахии Мирчи I (1386–1418) не позднее августа²⁵.

Однако раньше, чем в Венецию могли прийти сведения о результатах решения, принятого 23 июля, здесь должны были вдогонку принимать новые меры. В начале августа 1415 г. на берегах Лашвы в Боснии венгерское войско было разгромлено турками, действовавшими в союзе с боснийским воеводой Хрвое Вукчи-чем²⁶. Сложно оценить военные масштабы события. Пожалуй, важнее был его информационный фон, напоминавший ситуацию несколькими месяцами ранее. Но теперь последствия были более серьезными. 25 августа 1415 г. Констанцкий собор издал манифест очень характерного содержания²⁷. Он призывал христиан к борьбе с турками, угрожавшими Венгрии в тот момент, когда ее правитель Сигизмунд вынужденно находился вдали от своих владений. Однако турки, возможно, были только поводом к появлению данного текста. Особый акцент в нем был сделан на необходимости прекращения войны между английским и французским королями. Этот конфликт преподносился как недопустимое разобщение христиан перед лицом общей опасности.

Антитурецкая кампания, поднятая в Констанце, похоже, имела еще один смысл. Обвинения в тайном пособничестве туркам открыто произносились в адрес Венеции. На это указывает то, что 31 августа Республика выступила с ответной прокламацией, в которой обращалась ко всем христианским государям и указывала на беспочвенность подобных утверждений, якобы проистекавших от короля Сигизмунда²⁸. Однако, скорее всего, дело здесь было не только в защите репутации. Ведь со сцены Констанцкого собора Республике фактически посылался намек на возможность прийти к миру с Люксембургом в форме союза против османов. Венеция не могла не отреагировать. В противном случае у нее были основания опасаться, что на призыв из Констанца откликнется византийский император. Его подозрительная

²⁵ *Mollaoglu F. K.* “Düzmece” olarak anılan Mustafa Çelebi... S. 180.

²⁶ *Lewec Wl.* Die ersten Türkeneinfälle... S. 188–193.

²⁷ Текст документа см.: ACC. Münster, 1928. Bd. 4. S. 659–662.

²⁸ Текст документа см.: *Forschungen und Quellen zur Geschichte des Konstanzer Konzils* / Hrsg. von H. Finke. Paderborn, 1889. S. 318–322.

Идея церковной унии на Констанцском соборе: польская инициатива затея со строительством на Истме едва ли внушала венецианцам спокойствие. А потому Республика должна была действовать на опережение. В результате в тот же день, когда была опубликована вышеупомянутая прокламация, венецианский сенат рассмотрел предложение императору, которое для такого случая, по-видимому, было заготовлено заранее²⁹. Принятое решение формально основывалось на инициативе Пьетро Зенона – венецианского наместника острова Андрос. Суть ее сводилась к созданию морской оборонительной христианской лиги, в которую предполагалось включить родосских рыцарей и генуэзцев, базировавшихся на Хиосе и Лесбосе. 31 августа 1415 г. сенат утвердил этот план и счел необходимым предложить византийскому императору стать участником соглашения, предоставив со своей стороны несколько собственных галер.

На самом же деле венецианцы спешили предложить василевсу то, с чем не так давно выступал он сам. Еще в 1409 г. в разгар внутриманусманской междоусобицы Мануил II запрашивал у Венеции восемь боевых судов. Предполагалось, что вместе с двумя византийскими галерами они будут патрулировать проливы³⁰. Но, вероятнее всего, целью византийского правителя был вовсе не разгром турок. Речь могла идти о возвращении к режиму коллективного договора 1403 г., заключенного в Галлиполи после битвы при Анкаре³¹. Примечательно, что от имени Венеции в его заключении участвовал тот же Пьетро Зенон, чье имя фигурировало и теперь. Как и тогда, в новый договор должны были вступить генуэзцы и Родос. На то, что это был именно византийский по своей природе проект, указывает оборонительный характер предложенной венецианцами лиги. Он не противоречил уже существующему союзу императора с султаном. Напротив, должна была возникнуть система равновесия, в которой сила одного договора была бы гарантирована действием другого. В этой системе Византия, единственная являясь участником обоих договоров, автоматически становилась бы посредником, с одной стороны, между латинскими государствами,

²⁹ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1589.

³⁰ *Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden...* № 3327. Это предложение сенат рассматривал 10 января 1410 г. (*Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1362).

³¹ *Dennis G. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // OCP. 1967. Vol. 33. P. 72–88.*

с другой – между объединяющей их морской христианской лигой и османами. На императора в этом случае легла бы роль гаранта нейтралитета проливов как главного условия, при котором такой международный порядок мог функционировать.

По прошествии чуть более трех недель после решения выслать василевсу проект вышеупомянутого соглашения сенат уже давал ответ византийским послам. Этого времени, хотя и с трудом, но могло хватить на то, чтобы император, находившийся по-прежнему в Морее, успел отреагировать на сделанное ему предложение. Результатом были постановления сената от 23 сентября³². Из их содержания следовало, что идея создания морской лиги правителем Византии была встречена благосклонно. Венеция, в свою очередь, обещала выдать необходимые полномочия на ведение переговоров Пьетро Зенону. Но, кроме того, по просьбе императора было принято решение отправить к нему еще одного посла. Цель его миссии не оглашалась, но понять мотивы просьбы о его назначении несложно: посол мог быть использован при посредничестве императора для переговоров Республики с турками. У венецианцев до сих пор не могло быть ясности о намерениях Мануила II, касающихся перспектив его отношений с Мехмедом I. На горизонте все так же загадочно маячила фигура Мустафы. Выражая принципиальное согласие на вступление в лигу и одновременно свою готовность принять венецианского посла, византийский правитель на самом деле давал понять, что сразу после решения первого вопроса исчезнет препятствие на пути к договору Венеции с османами. А пока дипломатическая игра, в которой император играл роль ведущего, продолжалась. Действительно, всего через две недели на Константианском соборе произошло нечто такое, что должно было вызвать немалую обеспокоенность на берегах Адриатики относительно настоящих намерений правителя ромеев.

Именно этим событием и явилось оглашение устами Феодора Хрисоверга инициативы польского короля, касающейся церковной унии с Востоком. Доставленное им послание было написано 29 августа 1415 г. в местечке Корчин (Галиция)³³. Там же могла состояться встреча Хрисоверга с самим Ягайло, хотя этот факт

³² *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1592.

³³ ACC. Münster, 1926. Bd. 3. S. 281–282.

Идея церковной унии на Констанцском соборе: польская инициатива нигде не засвидетельствована³⁴. Дальше Хрисоверг мог проследовать в Констанц, вероятнее всего, через Краков³⁵. За его миссией на церковный собор никакой официальный византийский след обнаружить невозможно. Но, похоже, византийцы, не имея никакого официального отношения к польской инициативе, сделали все для того, чтобы вызвать подозрение в присутствии своих следов. Действительно, цель, с которой Хрисоверг оказался в Галиции, заставляла предположить совершенно не случайный характер его встречи с Ягайло или с агентами короля. Несложно было обратить внимание, что чуть раньше королевский двор посетило византийское посольство, упоминание о котором содержится в сочинении Яна Длугоша³⁶. Смысл его тоже выглядит крайне загадочно, но в свете выдвигаемой здесь версии он поддается объяснению. По сообщению единственного названного источника, посольство просило монарха помочь Константинополю поставкой партии зерна, и просьба была выполнена.

Однако едва ли настоящая цель тех греческих визитеров заключалась в этом. Дело в том, что неназванные польским хронистом византийцы уверенно отождествляются с двумя дипломатами, которые ранее в том же году посетили московского князя Василия I Дмитриевича (1389–1425)³⁷, а затем не ранее марта – литовского князя Витовта (1392–1430). Одним из этих греков был императорский посол Дисипат, вторым – архимандрит Гавриил, выступавший от лица патриарха Евфимия II (1410–1416). Правда, информация имеется лишь о возможной причине их встречи, состоявшейся с правителем Литвы. Сам Витовт упоминал о ней

³⁴ Последним местом, где засвидетельствовано присутствие Феодора до его появления в Констанце, является Константинополь – он находился там в апреле 1415 г. (см.: *Rigo A. I libri greci di Teodoro Chrysoberges e i suoi passaggi a Costantinopoli* (aprile 1415) e a Corfù (luglio 1419) // *Byz.* 2014. Bd. 84. P. 290.

³⁵ *Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden...* № 3349; *Loenertz R.-J. Les dominicains byzantins...* P. 19.

³⁶ *Joannis Dlugossii seu longini canonici cracoviensis historiae polonicae libri XII* / ed. P. Żegota. Cracoviae, 1877. T. 4. P. 188–189. Согласно тому же сообщению Яна Длугоша, партия зерна была отправлена в Константинополь через черноморский порт Хаджибей (Качубеев, совр. Одесса), что считается первым упоминанием о нем в источниках. По этому вопросу см.: *Гулевич В. П.* Первое письменное упоминание Качубеева: критический разбор // *Золотоордынское наследие.* 2021. Вып. 4. С. 262–282.

³⁷ *Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden...* № 3350.

в окружной грамоте от ноября 1415 г.³⁸ Дело касалось вопроса, по которому он ранее, в марте 1415 г., направил своего посла в Константинополь. Об этом факте князь сообщал там же. Речь шла о продвижении им на Киевскую кафедру своего кандидата — Григория Цамблака³⁹. Поскольку в тот момент ее занимал находившийся под покровительством Москвы митрополит Фотий (1408–1431), то могли показаться очевидными причины посещения посольством Дисипата и Гавриила столицы московского князя Василия I⁴⁰. И все же для того, кому следовало заинтересоваться этой миссией со стороны, вопросов меньше не становилось, а логика подсказывала только один возможный ответ на них. Лишь византийский император знал, что этот ответ будет неправильным.

В самом деле, о чем мог свидетельствовать первоочередной визит греков в Москву? Если византийцы намеревались заверить Василия I в том, что патриарх Евфимий II твердо стоит за сохранение митрополии под управлением Фотия, то видимые последствия переговоров с Витовтом не подтверждали это. Литовский князь не отказался от кандидатуры Григория Цамблака, а лишь согласился, по просьбе самих дипломатов, на несколько месяцев отложить его избрание⁴¹. Предположение о том, что грекам, несмотря

³⁸ Окружная грамота Литовского Великого князя Александра-Витовта // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1 : 1340–1506. С. 35–37.

³⁹ Окружная грамота Витовта была разослана вследствие состоявшегося в том же месяце избрания Григория Цамблака митрополитом на соборе в Новоградке.

⁴⁰ Источники не содержат сведений о точном времени и очередности визитов византийских дипломатов, а также о месте их встречи с Витовтом и Ягайло, но в окружной грамоте (Окружная грамота... С. 35–37) литовский князь сообщал, что принял решение отправить посла в Константинополь в марте 1415 г. до встречи с Дисипатом и Гавриилом. Последние, как следует отсюда же, побывали у него на обратном пути из Москвы. Сведения об оптимальном маршруте движения греков с учетом времени, требуемого на дорогу, а также доступные данные о перемещениях Витовта и Ягайло позволяют прийти к выводу, что визит к польскому королю, скорее всего, был последним и мог состояться во второй половине июня или в начале июля. Допускается также, что встреча с Витовтом и Ягайло, либо с представителями короля, могла пройти одновременно (см.: *Гулевич В. П.* Первое письменное упоминание Качубея... С. 265–267). Это вполне согласуется с предлагаемой здесь версией событий.

⁴¹ Этот факт также нашел отражение в окружной грамоте Витовта (Окружная грамота... С. 35–37). Литовский князь, по его собственным словам, согласился отложить выборы митрополита до середины ноября 1415 г.

Идея церковной унии на Констанцском соборе: польская инициатива на все старания, не удалось убедить Витовта полностью воздержаться от своей затеи, выглядело слабым, так как затем посольство на глазах у всех побывало при дворе польского короля, который оказал Константинополю помощь хлебом. Подобное едва ли казалось уместным, если бы недавно состоявшиеся переговоры с его литовским союзником считались проваленными. Напротив, сделанное пожертвование выглядело как дар, символизирующий союз и дружбу. Более того, в него словно специально был вложен намек на вероятного врага, против которого такой союз мог замышляться. Ведь легче всего было представить именно турок виновниками голода, якобы угрожавшего Константинополю. Одним словом, посольство Дисипата и Гавриила наводило на мысль, что греками готовится почва для переговоров о церковной унии. Инициатива польского короля, оглашенная вскоре на Констанцском соборе устами Хрисоверга, еще больше убеждала в этом. Возникало впечатление, будто византийцы готовы в любой момент отреагировать, чтобы под знаменем идеи церковного воссоединения призвать христиан Запада к совместной борьбе с турками, а фактически присоединиться к антитурецкой коалиции, которую пытался сколотить Сигизмунд. Если цель византийцев была в том, чтобы вызвать предположение, будто император зондирует почву на предмет возможного вступления в антитурецкий союз, то снимаются вопросы, которые обоснованно ставит перед исследователями это странное посещение греками польского короля или его агентов⁴². Оно действительно выглядит едва ли не случайным, но в создании подобной видимости и заключался его смысл: якобы случайный характер встречи исключал официальное участие императора в этом контакте, но давал повод его подозревать. Продовольственная помощь Константинополю могла иметь место в совершенно символической форме как односторонний дружественный жест короля, намеренно спровоцированный греками. Им самим он не стоил ничего, кроме простой благодарности, хотя сам Ягайло, возможно, рассчитывал на официальную реакцию в виде политических переговоров. В этом и заключался расчет. Последовавшая затем миссия Хрисоверга создавала впечатление, что это и есть ответный жест императора. Впрочем, был смысл еще и в том, чтобы даже символическую партию зерна попросить

⁴² См.: *Гулевич В. П.* Первое письменное упоминание Качубеева... С. 269–272.

отправить через порт Хаджибей. Тот факт, что настоящая гавань в этом месте уже тогда функционировала, подлежит сомнению. Тем самым грекам удалось еще сильнее окутать туманом содержание своего визита перед третьей стороной – Венецией. Венецианцев, безусловно, интересовал факт этой встречи, и официальное объяснение, которое ему давалось, едва ли выглядело для них убедительным. Напротив, был повод подозревать, что никакой серьезный груз из Хаджибея не мог быть отправлен, а потому за просьбой о продовольственной помощи скрывается совсем другая причина посещения византийскими дипломатами королевского двора. Как и сам король, венецианцы могли подумать, что греки интересовались возможностью переговоров о церковной унии. Между тем цель византийцев и заключалась в том, чтобы заставить всех в это поверить.

В свете подобной интерпретации можно было понять и причину, по которой первой целью дипломатов была Москва. Здесь напрашивались два варианта: либо греки призывали Василия I поддержать замышляемую унию с латинянами, либо в случае отказа предупреждали об угрозе разделения митрополии⁴³. Задержка с избранием Григория Цамблака могла быть истолкована как способ отложить окончательное решение вопроса лишь до того момента, когда станет ясным результат политики короля Сигизмунда на Западе. Действительно, Феодор Хрисоверг появился на Констанцском соборе в середине осени 1415 г., когда переговоры, которые Сигизмунд вел в Перпиньяне с королем Арагона, были в самом разгаре⁴⁴.

Как видно, византийская дипломатия работала безупречно. Официально приписать миссию Феодора Хрисоверга византийскому императору было невозможно. Формально инициатива

⁴³ Официальным же поводом для посещения Москвы, скрывавшим настоящую цель, могла быть простая передача московскому князю письма от его дочери Анны, состоявшей в браке с сыном императора Иоанном Палеологом.

⁴⁴ Сигизмунд прибыл с делегацией собора в Перпиньян на встречу с арагонским королем 19 сентября 1415 г. и находился там до середины декабря (см.: Catafau A., Jaspert N., Wetzstein T. The Meeting of Perpignan (1415). Approaches to an Underestimated Event // Perpignan 1415. Un sommet européen à l'époque du Grand Schisme d'Occident / ed. A. Catafau, N. Jaspert, T. Wetzstein. Zürich, 2018. P. 1–27). Переговоры принесут успех Люксембургу, так как за ними последует разрыв отношений Фердинанда I с антипапой Бенедиктом XIII.

Идея церковной унии на Констанцском соборе: польская инициатива могла исходить от греко-католических кругов, которые вышли с ней к польскому королю⁴⁵. Однако надо заметить, что и Мануил Хрисолора, ставший византийским послом на Констанцском соборе, тоже принадлежал к этим кругам. Согласно предположению, он прибыл в Констанц как частное лицо и вступил в роль императорского посла лишь после того, как в марте 1415 г. решился вопрос об отречении папы Иоанна XXIII⁴⁶. Хрисоверг посольского мандата от императора, конечно, не имел, но через него греки не просто заставили заговорить о церковной унии польского короля. Они еще и намеренно, – возможно, как ранее в случае с Мануилом Хрисолорой – заставили всех подозревать, что этот мандат лежит у Хрисоверга в рукаве и только ждет своего часа. Подобные подозрения были усилены тем, что в письме польского короля говорилось, будто бы Хрисоверг прибыл к нему по рекомендации «многих князей христианских» (*dominus frater Theodorus Constantinopolitanus... ex litteris multorum principum christianae fidei nobis multipliciter commendatus*)⁴⁷. Пожалуй, ни для кого не составляло труда догадаться, что этими неназванными князьями, скорее всего, были литовский князь Витовт и его западнорусские вассалы. Но отсюда был повод предположить, что сам Витовт принял такое решение в процессе своих контактов с Константинополем по поводу Киевской митрополии в марте 1415 г. Подобное предположение не только должно было появиться, но и едва ли оно расходилось с истиной. Наконец, можно признать, что на контакт с Византией литовского правителя подтолкнул визит на Констанцкий собор Мануила Хрисолоры. Этого было достаточно, чтобы князь, как и другие, включая венецианцев, пришел к выводу, что византийцы настроены на переговоры о воссоединении церквей и нужен лишь соответствующий повод. Такой повод и начали создавать правители Польши и Литвы.

⁴⁵ Loenertz R.-J. Les dominicains byzantins... P. 18.

⁴⁶ Подробнее об этой версии см.: Пашкин Н. Г. Византия и Запад на пути к Констанцскому собору... С. 298–302; Пашкин Н. Г. Византийская загадка Констанцкого собора... С. 442–444 (откладывая вступление Мануила Хрисолоры в ранг дипломата до того момента, когда Иоанн XXIII утратил свою легитимность как понтифик, византийский император лишил короля Сигизмунда гипотетическую возможность через папу навязать грекам переговоры о церковной унии).

⁴⁷ ACC. Bd. 3. S. 281.

Осенью 1415 г. идея греко-латинской унии, переданная в Констанц через Феодора Хрисоверга, быстро получила развитие. 18 октября Ягайло и Витовт подписали во Львове совместное обращение к Констанцскому собору⁴⁸. Оба правителя просили поддержать их намерения обратить в христианство язычников-жемайтов и привести к унии с Римом православное население Западной Руси. В том же послании говорилось, что недавний призыв церковного собора о помощи венграм в их борьбе с турками был услышан. Авторы обещали в этой борьбе объединить свои силы с королем Сигизмундом.

28 ноября 1415 г. декларация, написанная во Львове, была представлена на Констанцском соборе⁴⁹, который ею же был поставлен в известность о том, что следом, возможно, ожидается еще одна делегация из Польши. Новое королевское посольство действительно прибыло уже 13 декабря. Представлявший его Анджей Ласкарь заявил о выдающихся успехах польского и литовского правителей, касающихся обращения в христианство языческих племен Жемайтии. Затем посланник заговорил о том, что теперь на очереди может быть вопрос церковного воссоединения с Римом православных подданных литовского князя. В решении данной проблемы им были отмечены особые заслуги Феодора Хрисоверга⁵⁰. Сам Хрисоверг, кстати, должен был присутствовать при произнесении этой речи. Но было и нечто такое, что могло заставить задуматься очевидцев всего происходящего.

Дело в том, что последняя польско-литовская миссия готовилась, скорее всего, ввиду предстоящего избрания на Киевскую кафедру Григория Цамблака, о предполагаемом времени которого Витовт предупреждал побывавших у него недавно греков. В этом случае посольство, появившееся в Констанце 13 декабря, должно было отправиться сразу после того, как 15 ноября 1415 г. в Новогрудке состоялись выборы митрополита. Идеальным доказательством искренности и серьезности

⁴⁸ Текст документа см.: *Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae*, 1376–1430 / ed. A. Prochaska. Cracoviae, 1882. P. 331–332.

⁴⁹ См.: *Brandmüller W.* Das Konzil von Konstanz... Bd. 2. S. 155. Anm. 369.

⁵⁰ Об этом эпизоде сообщает в дневниковых записях участник Констанцкого собора Жак Черретан (см.: *ACC. Münster*, 1923. Bd. 2. S. 266–268).

Идея церковной унии на Констанцском соборе: польская инициатива провозглашенных намерений правителей Польши и Литвы могло бы стать представлением Григория Цамблака Констанцскому собору как сторонника греко-латинской унии, каковым он действительно проявит себя позднее. Но ничего подобного в тот момент не произошло. И этому напрашивается только одно объяснение. Польский король и литовский князь не спешили, так как ожидали реакции из Византии. Расчет был на то, что ответом из Константинополя будет признание нового киевского митрополита – признание, означающее одновременно положительный отклик Византии на польско-литовский манифест, призывавший к унии церквей и объединению в борьбе с турками. Возможно, участники событий ожидали даже, что мандат на переговоры от имени восточного императора, как только появится повод, представит собору Феодор Хрисоверг. Однако на самом деле никто не разгадал игру, которую вел правитель ромеев.

Ягайло и Витовт действительно предоставили византийцам идеальный повод, приглашающий их к переговорам. Правда, миссия Феодора Хрисоверга, как и предшествующее ей греческое посольство Дисипата и Гавриила, скорее говорят о том, что руками польского короля и его литовского союзника этот повод греки создали сами, и их цель была в том, чтобы все так и предполагали. Мы никогда не узнаем всего содержания встречи этих византийских дипломатов с правителем Литвы, но предположительно в ответ на просьбу Витовта о признании предстоящих выборов Григория Цамблака греки заявили, что для этого императору и патриарху потребуется веская причина. Получив подобный ответ, другая сторона истолковала его в том смысле, что такой причиной может стать предложение переговоров, ведущих через церковную унию к созданию антитурецкой коалиции. Уверенность в этом должна была лишь укрепиться после контакта польского короля с Феодором Хрисовергом, следствием чего стала инициатива монарха, оглашенная вскоре на Констанцском соборе.

Тем временем контакты византийцев с Витовтом и Ягайло, несомненно, вызывали у венецианцев закономерные опасения в том, что однажды они закончатся за спиной Республики анти-турецким альянсом Византии с Сигизмундом при содействии

польской короны и ее союзника. И это опять же толкало Венецию к действиям на опережение. Отъезд литовского посольства в Константинополь, которое предшествовало встречной миссии Дисипата и Гавриила, состоялся в марте 1415 г. Решение о нем Витовт и Ягайло могли принять, получив сведения о появлении в Констанце Мануила Хрисолоры или чуть позже, когда тот вступил в дипломатический статус. Все это должно было наводить венецианцев на мысль о негласном старте переговорного процесса, которого они и опасались, справедливо предполагая, что переговоры о церковной унии приведут греков к союзу с Сигизмундом. Кончина Хрисолоры, последовавшая в апреле, возможно, скрывает за собой факт физического устранения дипломата в стремлении не допустить чего-то подобного. Можно не сомневаться, что венецианские агенты следили также и за миссией Феодора Хрисоверга. В результате в Венеции разгадали для себя ее цель еще до того, как последний встретился с Владиславом II Ягайло. Однако, как и было нужно византийскому императору, ее тоже разгадали неправильно, найдя в ней еще одно доказательство якобы существующих намерений василевса вступить в антитурецкую коалицию. Одного лишь такого предположения было достаточно, чтобы обратиться к византийскому императору с альтернативным проектом морской христианской лиги, у истоков которого стоял он сам. Впрочем, для польского короля соответствующее решение Республики могло показаться лишь началом поворота венецианской политики – от поисков соглашения с турками к вынужденному союзу против них. Когда 23 сентября в Венеции было оглашено одобрение византийским императором сделанного ему предложения⁵¹, это и могло вызвать известную реакцию в виде декларации во Львове, за которой последовало избрание Григория Цамблака. Таким образом, оснований для спокойствия в венецианском сенате, как и прежде, быть не могло. Напротив, там были все основания опасаться, что ответом из Константинополя на последние события станет предложение исключить из проекта морской лиги ее оборонительный характер, а Республике примириться с королем Сигизмундом, разделив вместе с ним бремя крестового похода.

⁵¹ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* № 1592.

Идея церковной унии на Констанцском соборе: польская инициатива

Играя на этих опасениях, византийцы продолжали свою виртуозную игру, благодаря которой разные участники политического процесса были противопоставлены друг другу, но только не самому императору. Каждой стороне он давал лишь повод надеяться на достижение ее целей вместе с ним, но никого не посвящал в свои замыслы. Результат теперь известен. Турецкий султан надеялся сохранить дружбу с василевсом, тогда как король Сигизмунд стремился вовлечь его через церковную унию в союз против османов. Враждебная же королю Венеция рассчитывала установить выгодные ей отношения с турками, но упиралась в то, что путь к ним тоже лежал через византийского императора, каждый следующий шаг которого оставался для всех загадкой.

REFERENCES

- Barker, J. W. (1969). *Manuel II Palaiologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship*. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Brandmüller, W. (1991–1997). *Das Konzil von Konstanz 1414–1418* (Vols. 1–2). Paderborn: Schöningh.
- Catafau, A., Jaspert, N., & Wetzstein, T. (2018). The Meeting of Perpignan (1415). Approaches to an Underestimated Event. In A. Catafau, N. Jaspert, & T. Wetzstein (Eds.), *Perpignan 1415. Un sommet européen à l'époque du Grand Schisme d'Occident* (pp. 1–27). Zürich: Lit Verlag.
- Dennis, G. (1967). The Byzantine-Turkish Treaty of 1403. *Orientalia Christiana Periodica*, 33, 72–88.
- Dölger, F. (Ed.). (1965). *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453* (Vol. 5). München; Berlin: C. H. Beck.
- Engels, O. (1977). Der Reichsgedanke auf dem Konstanzer Konzil. In R. Bäumer (Ed.), *Das Konstanzer Konzil* (pp. 369–403). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Finke, H. (Ed.). (1889). *Forschungen und Quellen zur Geschichte des Konstanzer Konzils*. Paderborn: Schöningh.
- Finke, H. (Ed.). (1896–1928a). *Acta Concilii Constanciensis* (Vols. 1–4). Münster: Druck und Verlag der Regensburgschen Buchhandlung.
- Firnhaber, F. (1856). Petrus de Pulka, Abgesandter der Wiener Universität am Concilium zu Constanx. *Archiv für Kunde österreichischer Geschichte*, 15, 1–70.
- Frenken, A. (2014). Kastilien und das Konstanzer Konzil. *Vorträge und Forschungen*, 79, 143–172.
- Hulevych, V. P. (2021). Pervoe pis'mennoe upominanie Kachubeeva: kriticheskii razbor [First Written Account of Kachubeev: A Critical Analysis]. *Zolotoordynskoe nasledie*, 4, 262–282.
- Jorga, N. (1908). *Geschichte des Osmanischen Reiches* (Vol. 1). Gotha: Perthes.

Kastritsis, D. J. (2007). *The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413*. Leiden; Boston: Brill.

Kolditz, S. (2017). Byzanz und das Konstanzer Konzil (1414–1418). Beobachtungen zur griechischen Präsenz und zur vorkonziliaren Korrespondenz Sigismunds und Manuels II. *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*, 67, 43–64.

Lewec, Wl. (1903). Die ersten Türkeneinfälle in Krain und Steiermark. *Mitteilungen des Musealvereins für Krain*, 16, 169–200.

Loenertz, R.-J. (1939). Les dominicains byzantins Théodore et André Chrysobergés et les négociations pour l'union des grecque et latine de 1415 a 1430. *Archivum Fratrum Praedicatorum*, 39, 5–61.

Mollaoglu, F. K. (2009). “Düzmece” olarak anılan Mustafa Çelebi ve Bizans (1415–1416/17) [So-Called “False” Mustafa and Byzantium, 1415–1416/17]. *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Araştırmaları Dergisi*, 49(2), 173–185.

Mureşan, D. I. (2010). Une histoire de trois empereurs. Aspects des relations de Sigismond de Luxembourg avec Manuel II et Jean VIII Paléologue. In E. Mitsiou, M. Popović, & J. Preiser-Kapeller (Eds.), *Emperor Sigismund and the Orthodox World* (pp. 41–102). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Okružnaia gramota Litovskogo velikogo kniazia Aleksandra-Vitovta [Circular Letter of the Grand Duke Alexander-Witold of Lithuania]. (1846). In *Akty, otnosiashchiesia k istorii Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoiu komissiei* [Acts Related to the History of Western Russia, Collected and Edited by the Archaeographic Commission] (Vol. 1: 1340–1560, pp. 35–37). St Petersburg: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj E. I. V. Kantselarii.

Pashkin, N. G. (2021). Vizantiia i Zapad na puti k Konstantsskomu soboru [Byzantium and the West on the Way to the Council of Constance]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 277–304. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.018>

Pashkin, N. G. (2023). Vizantiiskaia zagadka Konstantsskogo sobora: k voprosu o motivakh imperatora Manuila II Paleologa [Byzantine Riddle of the Council of Constance: The Problem of the Motives of Emperor Manuel II Palaiologos]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 51, 432–451. <https://doi.org/10.15826/adsv.2023.51.024>

Prochaska, A. (Ed.). (1882). *Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae, 1376–1430*. Cracoviae: Academiae Literarum.

Reitemeier, A. (1999). *Aussenpolitik im Spätmittelalter: Die diplomatischen Beziehungen zwischen dem Reich und England 1377–1422*. Paderborn: Schöningh.

Rigo, A. (2014). I libri greci di Teodoro Chrysoberges e i suoi passaggi a Costantinopoli (aprile 1415) e a Corfù (luglio 1419). *Byzantion*, 84, 285–296.

Štefáňik, M. (2012). Die Beschlüsse des venezianischen Consiglio dei Dieci zu den Attentatsversuchen auf Sigismund aus den Jahren 1413–1420. In K. Hruza (Ed.), *Kaiser Sigismund (1368–1437). Zur Herrschaftspraxis eines europäischen Monarchen* (pp. 161–174). Wien: Böhlau.

Thiriet, F. (Ed.). (1959). *Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Roumanie* (Vol. 2). Paris: Mouton & Co, La Haye.

Thorn-Wickert, L. (2006). *Manuel Chrysoloras. Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance*. Frankfurt am Main: Lang.

Идея церковной унии на Констанцском соборе: польская инициатива

Wakouning, M. (1990). *Dalmatien und Friaul. Die Auseinandersetzungen zwischen Sigismund von Luxemburg und der Republik Venedig um die Vorherrschaft im adriatischen Raum*. Wien: VWGÖ.

Żegota, P. (Ed.). (1877). *Joannis Dlugossii seu longini canonici cracoviensis historiae polonicae libri XII* (Vol. 4). Cracoviae: Ephemeridum “Czas”.

Пашкин Николай Геннадьевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Ленина, 51
E-mail: ngpaschkin@yandex.ru

Pashkin, Nikolai Gennadievich

PhD (History), Associate Professor
Ancient and Mediaeval History Department
Ural Federal University

51 Lenina Ave, Ekaterinburg, 620000 Russia
Email: ngpaschkin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0615-568X>